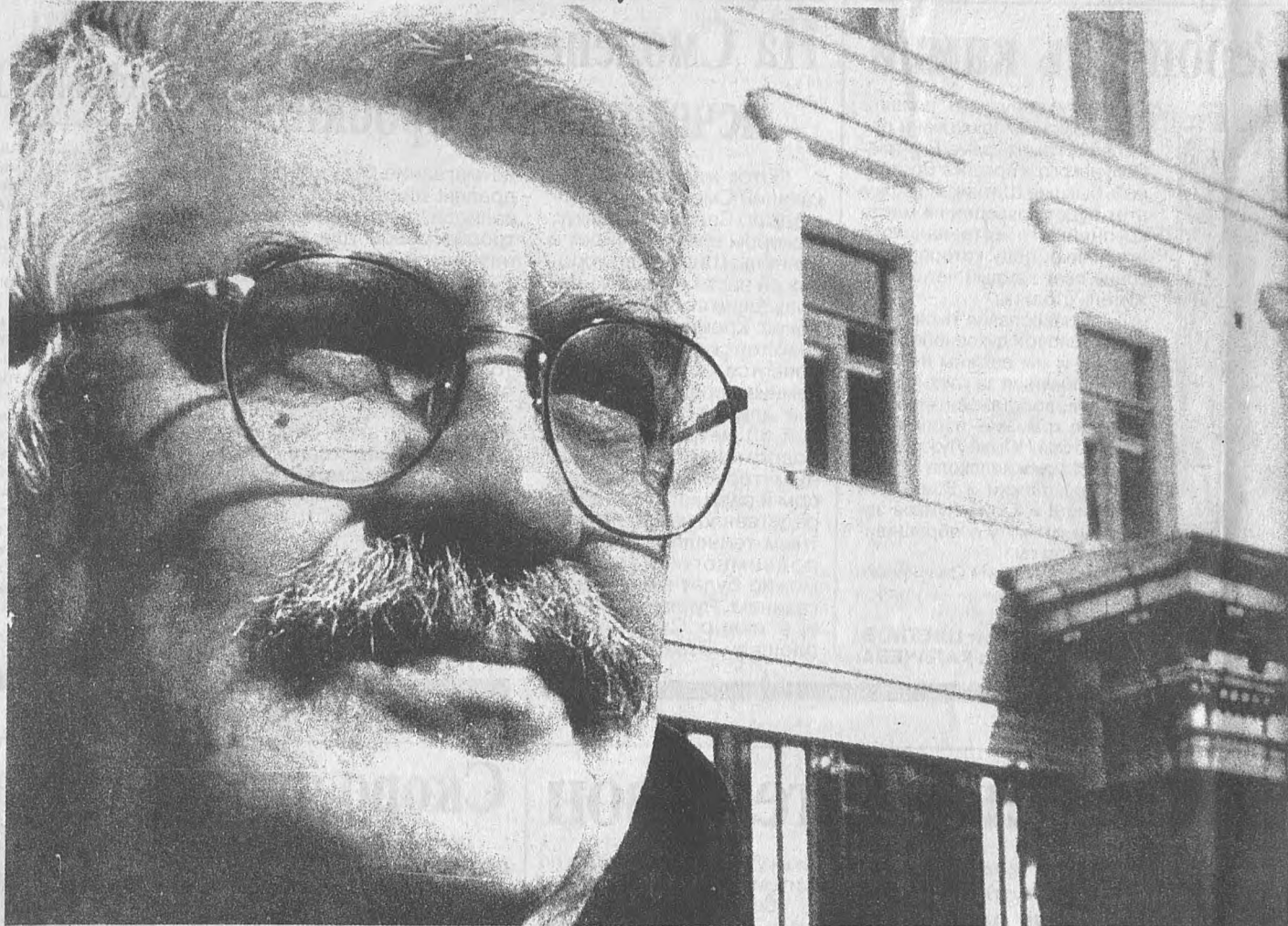

Александр ВЕЛИКАНОВ:

«Можно строить дома и для тех, у кого не все дома»

— В Москве сейчас много строят иностранцы и на иностранный манер. Вас это не тревожит?

— Новые потребности связаны с новой экономикой. За границу приедешь — одни банки понатыканы, представительства всякие. У нас этого не было. Теперь есть. Посмотрите, сколько старых зданий в божеский вид привели, целые улицы. Не изуродовали бы в свое время зону Арбата, там бы сейчас настоящая Москва была. Кричат: Москву иностранцам продают! Почему ньюйоркцы не кричат? У них чуть не полгорода принадлежит иностранцам. Мне говорили, что даже Гранд-Опера в Париже не французская по владельцу. А какая разница? Город становится красивее, новые рабочие места появляются. Дом ведь в кармане не унесешь.

— Александр Александрович, но где же ваши постройки? Вы строили театр Сац, а теперь — виллы...

— Во-первых, в архитектуре размер постройки ничего не значит — есть виллы понаименование какого-нибудь дворца съездов или Манхэттен Чейз Банка. Во-вторых, значительные работы тоже есть. Недавно открыли реконструированный филиал Малого театра на Ордынке. Гурген Татулов делал. Там от старого здания одна стена оставалась. Я заканчиваю для замечательного человека Бориса Александровича Покровского Камерный музыкальный театр на Никольской, кстати, бывший театр Сац. Правда, история вышла: должны мы были его сдавать в прошлом январе, а в декабре случился там здоровенный пожар. Но нет худа без добра — начальство поглядело и решило строить большой культурный центр «Славянский». До революции ведь примерно так и было — единый организм «Славянского базара»: ресторан, где Станиславский с Немировичем Художественный театр затевали, гостиницы, куда Гуров «даму с собачкой» водил, лавки, магазины. Это может быть очень интересным делом. Ельцин решение подписал, первая стадия проекта уже в работе. А фасад Камерного мы восстановили, можете фотографа присылать.

— Значит, кризис архитектуры нам не грозит?

— Есть такой термин: «бу-мажная» архитектура. Это своеобразный конкурс идей — проектов, не подкрепленных пока реальными технологиями. Так вот, наши молодые архитекторы на таких конкурсах уже который год — в неизменных победителях, а предусмотрительные иностранцы закупают их идеи впрок.

— Не боитесь, что вслед за экспортом идей последует утечка умов?

— Нет. Хотя чего-нибудь стоящий российский архитектор никогда не добьется такого же положения «там»: другая жизнь, другие люди, быт, традиции, стандарты... Вы замечаете, что иностранцы не понимают нашего ответа на вопрос: «Как жизнь?» Мы обычно говорим: «Нормально!» А они не знают, как это понимать. Им привычнее «Файн!» До этого жизнерадостного «Прекрасно!» нам еще далеко. Но, слава Богу, уже «Нормально».

Встречался
Николай КУЗНЕЦОВ.
Фото
Владимира ВЯТИНА.

Профессор архитектуры Александр Александрович Великанов ни к чему не склонен относиться с пиететом. В особенности же к собственным заслугам. Хотя гордиться есть чем: построил в Москве Детский музыкальный театр для Наталии Сац, автор проекта консерватории в Алма-Ате, драматического театра в Усть-Каменогорске... Как сценограф оформил несколько спектаклей, в том числе «Нумер в гостинице города Н», «Мистерия Сидур». И не его вина, что только 10 процентов его проектов построено.

— Александр Александрович, архитектор обычно заложник заказчика. Приходилось вам делать то, к чему не лежала душа?

— А как же. Об одном моем дворце культуры экскурсовод (я сам это слышал), сказал, что это — памятник культуры. А мы тот проект называли «школа-баня», потому что это и была школа, только с какими-то гипертрофированными пристройками. Тогда в большой моде была гигантомания, областному центру нельзя было заказывать театр меньше чем на 800 мест. Архитектура не может быть лучше своего времени.

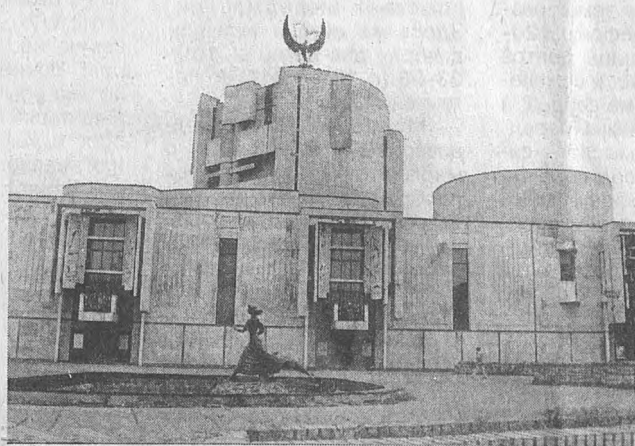
— Но двадцатый век оставил нам прекрасные образцы модерна в особняках Шехтеля, угловатые формы конструктивизма братьев Весниных, давящую тяжеловесность имперского «сталинского ампира», «хрущобы» — баракки раздельного жилья, безликость сборного железобетона времен застоя. Чем ознаменуется наше странноватое время

— принцев и нищих, нуворишей и люмпенов, когда среднего класса, основного потребителя массовой архитектуры, нет?

— Это так же трудно предположить, как объяснить, внутри чего, собственно, все мы находимся. Вот вы, я знаю, пишете для журнала «Элита». Для меня, например, элита — это человек десять: Дмитрий Лихачев, Ростропович, Вишневецкая...

— Шемякин?

— Ну, это отдельный разговор. Шемякин только для нас, совков, светило. На Западе он всего лишь умеренно успешный художник. По сравнению с Ростроповичем он — вон там (Великанов ткнул пальцем куда-то под верстак, заваленный тюбиками, банками с цветной водой, карандашами и кисточками). Ростропович там (он воздел палец к потолку). Бог! Мне в Париже говорили: послушает что-нибудь Ростропович и скажет: «Мерде!» («Г...!»), значит, «мерде» и есть. И все так будут считать, хоть тресни. Так вот — человек десять.

Московский Детский музыкальный театр.

— А строить приходится для...

— Я построил с десяток vill для «богатеньких Бурагино». Они ведь откуда, эти принцы? Из «хрущоб». Из грязи — в князи. Появились у них деньги, и они захотели жить, «как положено», как их «ноблесс» их же «оближ». То же самое было у большевиков периода «сталинского ампира» — жажда добротной жизни: гранит, лабрадор, крепостные стены. Я им говорю: ну зачем тебе кирпич? Вся Европа — до Финляндии, Америки, Канада выстроены из досок «дюйм на семь». А он мне: из досок пусть сараи строят,

я тебе плачу, а ты строй. Действительно, он платит, и спорить с ним труднее, чем с членом Политбюро. А построишь, он придет и половину сломать заставит. Одному теще столько наломала, что он, бедный, не знает, как ему эти развалины продать. Этот период нужно пережить. Менталитет уже меняется, люди больше ездят, больше видят. Офисов с петушками на крыше уже не заказывают, а недавно один клиент попросил загородный дом с плоской кровлей — это просто революционер какой-то, я думал, что они, кроме как о скатных, о других и слыхом не слыхивали.